

РАННЯЯ ИСТОРИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ БУДУЩЕЙ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Константин Артёмович Голодяев –
научный сотрудник музея города Новосибирска,
e-mail: golod62@mail.ru (подробнее).

МАУК «Музей Новосибирска»
630099. РФ.г. Новосибирск,
ул. Чаплыгина, 27.

Аннотация. Работа выполнена к 10-летию юбилею со дня образования Следственного комитета Новосибирской области. В ней проведён обзор времени становления органов следствия в Сибири, которое уходит корнями к началу XVIII века, приведены основные функции тогдашней исполнительной и судебной власти, представлены некоторые судебно-следственные дела, производимые в судебных избах Чаусского, Умревинского, Бердского острогов на территории будущей Новосибирской области. Особо выделено следственное дело «о торговле томских служилых людей с “иноземцами”», в материалах которого содержится первое письменное упоминание о деревне Кривощёково, на месте которой сегодня расположен город Новосибирск. В исследовании использованы документы российского архива древних актов, а также областных архивов Западной Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; XVIII век; следственные органы; Чаусский острог; Умревинский острог; Бердский острог; Кривощёково

Konstantin Artyomovich Golodyaev* –
Researcher, Museum of Novosibirsk,
e-mail: golod62@mail.ru

EARLY HISTORY OF INVESTIGATING AUTHORITIES IN THE TERRITORY OF THE FUTURE NOVOSIBIRSK REGION

Annotation. The work was done for the 10th anniversary of the formation of the Investigative Committee of the Novosibirsk Region. It provides an overview of the time of formation of the investigative authorities in Siberia, which dates back to the beginning of the 18th century, gives the main functions of the then executive and judicial authorities, presents some of the judicial and investigative cases carried out in the courts of the Chaussky, Umrevinsky, Berdsky ostrogs on the

---

* Konstantin A. Golodyaev – Researcher, Museum of Novosibirsk, e-mail: golod62@mail.ru

territory of the future Novosibirsk region. The investigation case “on the trade of Tomsk service people with «foreigners» is highlighted, the materials of which contain the first written mention of the village of Krivoschekovo, on the site of which the city of Novosibirsk is located today. The study used documents from the Russian archive of ancient acts, as well as regional archives of Western Siberia.

Keywords: Siberia; XVIII century; investigating authorities; Chaussky ostrog; Umrevinsky ostrog; Berdsky ostrog; Krivoshchekovo

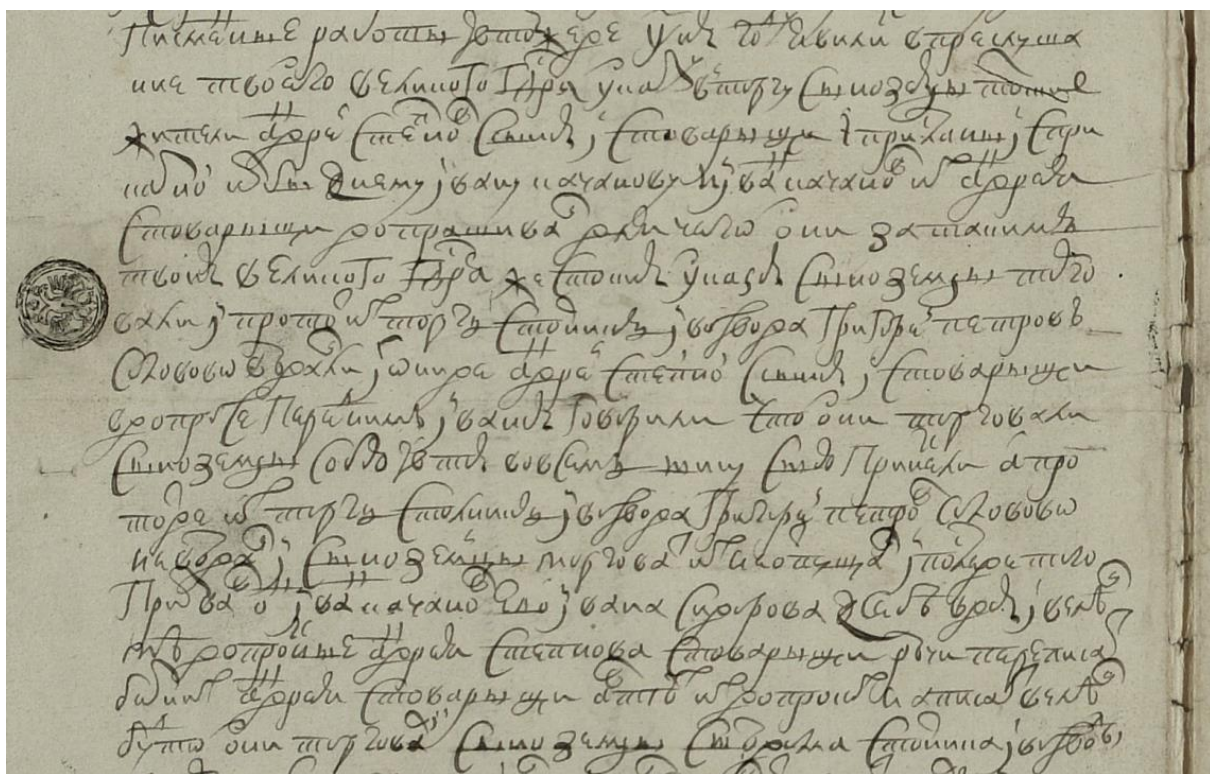
История органов следствия на территории Сибирского федерального округа, в частности Новосибирской области, уходит корнями к эпохе судебных реформ Петра I.

Ещё в начале XVIII века здесь проводилось следственное дело «о торговле томских служилых людей с “иноземцами”» - по обвинению томского воеводы Григория Петрово-Соловова в разрешении томскому жителю Степнову с сыном торговли с нерусскими народами и об оскорблениях ему томским сыном боярским Петром Лаврентьевым и дворянином Ив. Протопоповым. Обстоятельное его изложение было адресовано «Единому Государю Царю Великому Князю Петру Алексеевичу Единая и Малая Белые Роси Самодержвцу» и отложилось в архивных документах Сибирского приказа.

Известно и имя одного из тогдашних следователей – дворянин Иван Качанов. Согласно материалов розыска в 1708 году томские люди Иван Степнов, Иван Капианщиков, новокрещённые Василий Анчош, Степан Ильин и татарин Тезек Сургоянов вели со степными инородцами незаконную торговлю (*илл. 1*). И происходило это на территории «новоселебной» деревни Кривощековой, что была поставлена на Телеуцкой меже¹.

На учинённом порознь допросе выяснилось, что некий «Андрей и сын его Иван Степнов со товарищами» привезли в Кривощеково из Томску 300 аршин сукна, столько же холста, а также юфть и «всяка рухлядь» (мех выдр, лисиц красных) и пр. Аж три лодки товару. Сюда же доставляли свой товар

инородцы, в основном тоже ткани: шёлк, китайку, выбойки. Привезли на 22 верблюдах и 10 лошадях².

Илл. 1. Фрагмент «дела о заповедном торге». 1708 год.

Следствие также апеллировало к «начальному человеку» и судье Сибирского приказа князю Матвею Петровичу Гагарину. Но на момент следствия воевода уже был смещён, и судьба контрабандистов пока остаётся неизвестной.

А вот карьера главы Сибирского приказа поначалу пошла в гору. Вскоре он был назначен первым сибирским губернатором, но через 10 лет после этого по приказу Петра I был публично казнен через повешение. «Дабы иным не повадно было». Следственная комиссия выявила в его деяниях низкие платежи, поступившие в государеву казну из Сибири, большие недоимки по таможенным сборам, укрытие драгоценностей из древних бугров (могильников).

В середине XVIII века в Российской империи были созданы губернские и сенатские следственные комиссии, предназначенные также и для борьбы с должностной преступностью. А в Сибири судебно-следственные дела о злоупотреблениях, коррупции и казнокрадстве местных властей были

явлением достаточно частным. Помимо уже упомянутого М. П. Гагарина — это следственные дела тюменского воеводы Ф. Филисова, иркутских вице-губернаторов А. И. Жолобова и А. М. Сухарева.

С последним вообще случился казус. Дело в том, ещё в 1730-1732 годах, будучи на должности обер-коменданта Тобольска и командира Енисейского полка, Алексей Михайлович сам энергично вёл следствие о злоупотреблениях тарского воеводы, сына боярского Дмитрия Рукина, которого обвиняли «во многих неправдах и обидах». Воевода удерживал в свою пользу часть жалованья служилых людей и т.д. Но через десяток лет сам следователь стал подсудимым. Будучи уже иркутским вице-губернатором по извету Сухарев попал под сенатское следствие, которое тянулось более 10 лет, до самой его смерти в чине генерал-майора и сибирского губернатора.

В 1724 году жители Бердского острога и окружающих деревень направили челобитные губернатору в Тобольск и в Енисейский надворный суд, в которых жаловались на кузнецкого воеводу полковника Бориса Серединина, чинившем всякие препоны и требующего подношения мехов «в подарок». В ответ воевода объявил охоту на главаря жалобщиков бердского крестьянина Прокофия Соколова. После неудачно проведённой карательной операции по поимке государева «противника», в январе 1726 года большая толпа крестьян (до 400 человек) пришла в Бердском в «государеву избу» и объявила приказчику А. Максюкову, что он лишается всякой власти. В избе была изъята вся документация и казенные деньги.

И лишь серьёзное военное вмешательство сибирского губернатора, князя М. В. Долгорукова позволило арестовать крестьянского главаря Соколова и доставить на допрос в Тобольск. Были арестованы и все активные бунтовщики. 11 сентября 1729 года их публично высекли кнутом. Через три года Прокофий Соколов бежал из Тобольска, вернулся домой и «наипаче прежнего в Бердском остроге и в деревнях жителей научает и бунтовать возмущает». Крестьяне пишут челобитные уже на новых воевод «в чинимых

ими з берских обывателей взятках». В этот раз губернатору пришлось идти на уступки – кузнецкие воеводы П. Нефедов и С. Зиновьев были отстранены от должностей; против них и других чиновников было возбуждено следствие³.

В документах вышеозначенного «дела о торговле...» мы также находим очень важное для истории Новосибирска первое документальное свидетельство существования деревни Кривощёковской, на месте которой сейчас расположен огромный город Новосибирск. В деле упоминается и некий устьянец Фёдор Ильин («он же и Кривощёкой»). В допросной речи он показал, что «пришел в Томской уезд в 707-м году, а с ним пришли розных тобольских слобод семей с 20 и больше, и поселились вверх Оби реки, на границе телеуцкой, дворами своими человек с 10»⁴.

В каждом сибирском остроге, несшим административные функции, находилась приказная или «судная изба, где хранились «приказные дела», с сенями и подвалом»⁵. Это из описания Чаусского острога 1741 года. В нижней клетки зачастую находилась небольшая «караульная камора». В Новосибирской области нижние венцы такой избы найдены, например, на месте Умревинского острога.

А вот упоминание судной конторы Уртамского острога в росписном списке 1750 года: «Судная изба, напротив неё черная изба, при ней двор, амбар и баня».⁶ Копию судной избы воссоздали несколько лет назад в Заельцовском парке Новосибирска. Как утверждают историки, реплика «максимально приближенна к реальности».

Внутри избы обязательно присутствовали икона, портрет Государя, медная печать. Судной конторой, руководил комиссар, назначаемый Томской воеводской канцелярией, обычно на два года. Обычно здесь же и жил.

Судная изба, сочетала в себе функции исполнительной и судебной власти. В её обязанностях была переписка с Томской воеводской канцелярией, с нижним земским судом. В рапортах и донесениях

сохранились сведения о сборе, перевозке и употреблении казенного и оброчного провианта; о продаже вина и соли; о рубке леса, ремонте дорог, о почтовой и подводной гоньбе; о покупке лошадей и наборе драгунских лошадей; об эпидемиях скота; об отправке работных людей и увольнении со службы; о выдаче пашпортов, о рекрутском наборе, кражах, сыске беглых и др. Изба следила за исполнением оброчных и заводских повинностей приписного населения, взыскивала подушные подати и штрафные деньги, налоги и недоимки, решала массу вопросов в подведомственных поселениях: от хозяйственных до уголовных. Иногда её называли «государевым двором»⁷. Сам суд обычно вершился воеводой в Томске, но предварительное дознание проходило на местах, в судной конторе.

Деревни, находившиеся на территории нынешнего Новосибирска (Кривощёково, Усть-Иня, Чомы, Вертково, Бугры и другие) были приписаны к Чаусскому острогу.

Например, в 1739 году Чаусская контора рассматривала заявление кривощёковских крестьянин В. Быкова, И. Ощепкова, И. Пайвина, что пожелали «плыть на барке вниз по Обе реке до Нарыма, Сургута и до Березова городов с хлебом своей пахоты...»⁸, в 1747-м доношение от деревни Вьюнской жителя Екима Селиванова сын Чусовлянова да Петра Никитина сын Ситникова: «желаем мы именованные ехать для рыбного промыслу и свидания с родственником своим до Белоярской крепости и до Чарышу а без данного пашпорту из Чаусской судной избы ехать опасны...»⁹.

А в рапорте 1746 года «благородному господину артиллерии штыкюнкеру Красносельцеву», также хранящемуся в фонде Д-105 «Чаусский острог Томской губернии, 1713-1822 гг.», содержится информация о вооружении острога: пять пушек, из которых четыре были чугунными, а одна медная; сорок одна гладкая пицаль; девяносто мелких и крупных ядер и др.¹⁰.

Такая вроде бы мелочь как смена места жительства также была в ведении судных изб. В сентябре 1759 года в Чаусскую контору поступил донос на крестьян деревни Луговой Григория и Михайлу Поломошновых,

которые задумали для рыбного и звериных промыслов «съехать з женами и детьми и со всем скотом» в Кулундинскую степь. Тем более, что там уже «жительство домами имеют свойственники их». Но по дороге, «не доезжая до оной степи верст за десять», сотниками, посланными от Чаусской судной конторы, Михайло был «взят и привезен в Чеуск...». Разбирательство приказало вернуть Поломошных на «прежнее жительство», в деревню Луговую¹¹.

Доносы и изветы, рассматриваемые судными избами, касались самых различных сторон жизни: угроз, побоев, краж, «отнятии штанов и денег»¹².

Вот лишь несколько таких дел.

- в 1731 году Василий Пиминов Кунгурцов из деревни Речкуновой доносил в Чаусскую судную избу на тестя своего крестьянина Петра Какшерова, который «напустил на него скорбь» и «похвалялся де напустить» её на всех остальных родственников¹³.

- в 1737 году жители деревни Бибиной доносили, что в доме у А. Колоколышкова «з зятем ево Иваном Климовым» «чинятца» у хозяина «завсегда несносные ссоры и в тех ссорах меж собою угрожают смертным убойством... и... друг друга называют ворами»¹⁴.

- в тот же год крестьянин Лука Руднев бил челом, что 29 мая, «у праздника Троицына дни» он с братом Саввой был в деревне Юнской в доме Якова Мальцева, а когда вышел «из избы на улицу, и на улице называл» его беломестный казак Алексей Глухих «с собою боротца». «И я с ним на борьбу не пошел и отговаривался, боротца де я не умею и не борюсь, и оной Глухих за то меня ударил кулаком по глазам и говорил, мне де и пять рублевне беда». Видимо, сумма штрафа за побои¹⁵.

- в 1757 году десятник К. Микитиных из деревни Кубавинской доносил: «деревни Каменской разночинец Пётр Мингалев, пришед к тутошнему ж жителю Василию Третьякову в дом, жену свою бил смертельно и велел ей на ногах своих чарки облизывать... и, ругаясь же, подол ей заворачивал на голову, да и всегда оную бьёт же и изгоняет»¹⁶.

- в 1762 году богатый крестьянин Григорий Быков из деревни Кривошековской «за непорядочное и напрасное битье снохи ево» был подвергнут штрафу¹⁷.

- в 1761 году из Колывано-Воскресенского горного начальства в Чаусскую судную контору поступил орден, по которому «велено беглых с Чакирского рудника бергауров Ивана Земленова, Филипа Текутьева да вечного работника Данила Гусельникова везде всякими сыски накрепко выискывать, и где в сыску и в поимке явятся, то оных в крепких ручных и ножных смыках прислать под караулом в оную канцелярию. <...> Того ради от Чеуской судной конторы велено в Чеуском остроге во всенародное известие публиковать об оных беглых ея императорского величеству указом, о чем опубликовано и в пристойном месте выставлен, тако ж и в приписные здешние конторы места для того опубликованные послать указы»¹⁸.

Или, например, в 1759 году в Умревинскую судную контору поступил извет на блудное воровство (сексуальные отношения вне брака) (*илл. 2*). Вроде бы обычное бытовое дело, никого не убили. Но в XVIII веке это было делом государственным. Их разбирали очень серьезно.

«В допросе своем она сказала, что де напред сего прошлого 757 году она, Чивозерова, блудным своим воровством совокупила Умревинского острога с различинцом Иваном Васильевым сыном Чахловым добропорядочно. С которым она, Чивозерова, блудным своим воровством прижила младенца, коим она разрешилась сего 759 году прошедшаго апреля месяца. А которого числа, того не упомню коей у меня находился в живе только один час тогда вскоре и умре не молитвен не крещён. А с помянутым Чахловым она, Чивозерова и поныне еще по-прежнему ж в блудном де воровстве находится. И в сем вопросе она Чивозерова сказала самую истинную правду ничего не утаила. А ежели что сказала ложно и после того кем будет изобличена то поступлено будет по силе Указу, чему будет достойна»¹⁹.

Какая резолюция была определена по данному допросу неизвестно, но хорошо ещё, что ребенок не умер, а то матери могла грозить и каторга. Обычно такие дела заканчивалось битьем кнутом.

В августе 1760 года жители поселений подведомственных Чаусской судной конторе «и всех тех деревень обыватели дали сию подписку в такой силе, что никто лосиными и прочими того рода кожами не торгует и не делает...».²⁰ Категорический запрет на торговлю учреждался в пользу подмосковной казенной лосиной фабрики, которая производила армейское кожаное обмундирование. А «кто оные имеет, те б люди их продавали <...> прикащику его Сергею Соколову и посланным от него неотменно, а окромя их отнюдь другим никому не продавали б и в дело не употребляли под объявленным за то в указе штрафом...»²¹.

Множество работы было и в крупной Бердской судной конторе. Особенно нашумело дело 1798 года о покраже денег из Бердского питейного дома²².

Ранняя история следственных органов Сибири ещё далеко не изучена, и документы ждут исследователей в архивах Москвы, Новосибирска, Томска, Барнаула и других сибирских городов.

---

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп.5 Д. 1770 Л. 1-7об

² РГАДА. Ф. 214. Оп.5 Д.2691 Л. 13-13 об, 23 об.-24

³ Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск. Новосибирское книжное издательство, 1990. 184 с. С. 45-49

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп.5 Д.2691 Л. 10 об, 16 об.

⁵ Миненко Н. А. С. 25

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 52. Цитир: по Романов П. И. Уртамский, Умревинский и Чаусский остроги по материалам письменных и археологических источников XVIII в. (магистерская диссертация) Новосибирск. НГУ. 2020

⁷ ГАТО Ф. 521. Оп.1. Д. 1. Л. 224-225 об. Цит.: по Романов П. И.

⁸ Миненко Н. А. С. 43

⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-104. Оп. 1 Д. 2 Л. 1, 1 об

¹⁰ ГАНО. Ф. Д-105. Оп. 1. Д. 6. Л. 195

¹¹ Миненко Н. А. С. 38

¹² ГАНО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1. Л. 60-60 об

¹³ Миненко Н. А. С. 139

¹⁴ Там же

¹⁵ Там же. С. 177

¹⁶ Там же. С. 124

---

¹⁷ Там же. С. 139

¹⁸ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 7. Л. 205, 206

¹⁹ ГАНО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1. Л. 61-61 об

²⁰Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. Л. 500 об.

²¹ Там же. Л. 495

²²РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 53